

Литературная газета

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ **Э. БАГРИЦКОГО**, **А. ВОДОТНИКОВА**,
М. КОЛЬЦОВА, **В. ЛЮДИНА**, **И. СЕЛЫНЬСКОГО**, **А. СЕЛЫНЬСКОГО**,
М. СУВОЛКО, **М. СЕРБЯНСКОГО**, **М. ЧАРНОГО**, **В. УСКОВИЧА**.

№ 7 (498)

Вторник, 5 февраля 1935 года.

Армия поет

В списке победных рапортов VII съезду одно из почетнейших мест принадлежит прекраснейшему вечеру 4 февраля: вечеру красноармейской художественной самодеятельности в Большом театре.

Блестящая речь т. Тухачевского об огромной мощи, военной и политической, нашей Красной армии была enthusiastically принята и дополнена художественным содаком красноармейской самодеятельности.

Когда раздвинулся тяжелый занавес Большого театра, перед восторженными слушателями — делегатами съезда, советским правительством и руководителями партии и советского правительства тт. Сталиным, Молотовым, Кагановичем, Орджоникидзе, Микояном, Петровским, Чубарем, Поштышевым — внезапно предсталась Красная армия, какой ее никто никогда не видел.

Мы знаем мощь защиты нашей республики. Мы видели ее на парадах и знаем о ее замечательных танках, бомбовозах, дальноточных пушках и сверхскоростных самолетах. Но армия поющая, танцующая, играющая. Какая страна, какое государство, может показать свою армию с этой стороны? Да как покажет!

Огромный сводный духовой оркестр Московского гарнизона, состоящий из 600 человек, играл финал 4-й симфонии Чайковского. И не только потому, что им дирижировал дирижер Большого театра Мелик-Пашаев, но и потому, что играл он необычайно дисциплинированно, музыкально, с огромной мощью и страстностью, казалось, что перед слушателями «настойчивый» профессиональный оркестр, достойный быть украшением любого оперного театра.

Скромно музыкой! Дуэт на баллах — краснофлотец Балтийского флота, трио на гармонике — командиры Белорусского военного округа, соло на балне — красноармеец украинец и еще соло на гармошке, русская пляска с гармонией сменяются ансамблем красноармейской песни, самодеятельным оркестром Московского гарнизона, ансамблем бандуристов, белорусскими, украинскими, грузинскими, гурийскими, армянскими, баширскими, татарскими, узбекскими народными песнями и плясками.

Огромные возможности народного творчества — песенного, музыкального и танцевального фольклора вывели на сцену Большого театра и показали людям нашей страны Красная армия. Со всех концов огромной страны пришли на эту сцену вчерашние колхозники и рабочие, а сегодняшние красноармейцы, умеющие не только стрелять, но и превращать в источник культуры, радости и веселья прекрасное самолюбное искусство своих далеких окраин. В один мощный хор народов Советского союза слились песни и мелодии Украины, Северного Приморья, горной Грузии, Мингрелии, полей Северного Кавказа и песков Средней Азии.

Прекрасным и здоровым вальсом, настоящей радостью жизни, о которой так хорошо словами Маяковского крикнули в зал кружки Ленинградского военного округа как жизнь хороша и жить хорошо, окрашены все номера вечера: от соло на бубне до виртуозного авиационного джаза школы летчиков Северо-Кавказского военного округа и совершенно необычного по своему богатству номера красноармейцев Закавказья. По отзывам самых строгих критиков, грузинский и гурийский хоры своей культурой и великим исполнением значительно превосходят большинство профессиональных хороших ансамблей.

И все же самое прекрасное в этом необычайнейшем из вечеров и концертов сознание того, что все три тысячи его участников, так хорошо вооруженные культурой песенной и музыкальной, по первому зову сидевших в зале и аплодировавших им вожди пойдут так же уверенно, бодро и культурно защищать своих зрителей и слушателей и всю страну, посылающую их, лучших своих представителей, на этот вечер.

T.

МОГУЧИИ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

С гордостью и любовью страна вслушивается в слова, произносимые с высокой трибуны VII всесоюзного съезда советов. Великим чувством радости и счастья охвачены миллионы: какое множество замечательных дел совершено за четыре года, как расцвела — экономически и культурно — наша социалистическая родина! Беспредельна преданность трудящихся партии большевиков, той партии, которая привела Союз Советов к историческим победам; преданность великому СТАЛИНУ — вождю, учителю, другу, мудрому воспитателю трудящегося человечества. Пламенные слова любви, обращенные к т. СТАЛИНУ делегатом съезда, писателем А. АВДЕЕНКО, находят отклик в сердце каждого делегата съезда, каждого строителя социализма в СССР, каждого пролетария за его пределами.

Восемь дней работы съезда советов — необычайным многообразием и яркостью раскрывают богатство дел социализма. Доклад главы советского правительства тов. В. М. МОЛОВОТА является величайшим итогом борьбы за социализм, за реализацию ленинско-сталинской программы построения нового общества. «РОССИЯ ИЗПОВНЯЕТ СЕБЯ СТАЛИНОВСКИМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ». Наша страна преобразовалась. В основном эта великая задача, поставленная Лениным, нами осуществлена. Клятва, данная ушедшему Ленину 11 лет назад товарищем Сталиным, выполнена.

Каждая цифра доклада т. МОЛОВОТА, каждый факт, в нем приведенный, блестяще доказывает эту замечательную формулу. Масштабы капитализма и строительства, масштабы производства и народного просвещения, передела всех областей жизни страны — от социалистической реконструкции сельского хозяйства до ликвидации неграмотности, от овладения техникой и металлической независимости Советского союза — до производства книги — все это так наглядно, зримо, весомо доказывает нашу мощь, наши успехи, что никто не посмеет их отрицать. Много раз битая, безмашинная, безграмотная Россия стала социалистическим союзом свободных народов. Хозяйство страны обладает теперь такими орудиями производства, такой техникой и таким управлением, что лозунг «догнать и перегнать» становится уже осуществляемой действительностью.

Доклад съезду командарма тяжелой промышленности тов. СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ, первого металлурга среди металлургов, первого угольщика среди угольщиков, первого элентина среди элентиков, личным примером, сталинским стилем работы, большевистской настойчивостью и неутомимостью увлекшего асо армию работников промышленности на новые победы — демонстрировал промышленное могущество страны. Доклад т. ОРДЖОНИКИДЗЕ был замечательной повестью о том, как СССР стал металлическим. Нашим индустриальным ресурсам мы уже ведем счет миллиардами. Мы построили и освоили десятки гигантов, великие достижения всех решающих отраслей промышленности. Но все это не помешало, однако, т. ОРДЖОНИКИДЗЕ провозгласить

свой доклад самокритическим вскриканием недочетов и потребовать от своей армии работать еще во много раз лучше.

Величайший энтузиазм и восторг съезда вызвали сообщения тт. МОЛОВОТА и ОРДЖОНИКИДЗЕ, а также зам. наркома обороны т. ТУХАЧЕВСКОГО об успехах, достигнутых в деле обороны страны. Героическая непобедимая Красная армия оснащена теперь новой техникой, что дело социализма крепко защищено от посягательства врагов. Борьба за мир, мы готовы вместе с тем отразить удар врага и дать ему такой отпор, что у него отобьются раз и навсегда охота посягать на священную землю социализма. Весь народ и его передовая, обеспеченная всеми современными орудиями обороны армия встанут на защиту дела ЛЕНИНА—СТАЛИНА.

Гигантские успехи нашей родины, мощь ее обороны заставили капиталистический мир по-другому заговорить с правительством рабочих и крестьян. Обзор международного положения СССР, сделанный т. МОЛОВОТЫМ, показал, насколько возрос международный авторитет пролетарской державы, каких достижений добились мы в борьбе за мир, как успешно развиваются наши дружественные отношения с большинством стран. Только те, кто сознательно не хочет сохранять добрососедские отношения с нами, кто держит намерзшую пазуху, не может быть включен в это число. За счет войны с Советским союзом империалисты этих стран собираются разрешить свои непреодолимые трудности и противоречия. Мы будем продолжать зорко следить за происками врагов и готовиться к их отпору.

Не выходя из противоречий, а лишь окончательную гибель могут они найти в войне с Союзом Советов! Мир капитализма обречен историей на слом, — его дни сочтены.

Расцветает и победает новый мир — мир социализма. Все новые и новые свидетельства этого расцвета дает наша страна. В дни разгрома фашистского террора и ликвидации буржуазной последней демократической иллюзии наша страна достигла вершин пролетарской советской демократии. Планом ЦК ВКП(б), состоявшимся 1 февраля, постановил «поручить тов. Молотову войти от имени ЦК ВКП(б) на VII съезд советов с предложением о необходимости некоторых изменений в конституции СССР». Изменения эти должны пойти в направлении «дальнейшей демократизации избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов равными, многостепенными — прямыми, открытыми — закрытыми». Кроме того должна быть уточнена социально-экономическая основа конституции в соответствии с нынешним соотношением классовых сил.

Документом величайших исторических побед рабочего класса является это предложение. Мы строим новое общество, мы изменили страну, изменили производственные отношения, — иными, все более широкими и активными становится формы участия населения в общественной жизни, в управлении государством.

Какое счастье жить в такой стране, стране, которую ведет партия большевиков, ведет гений человечества — СТАЛИН!

ВЕЛИКУЮ МОЩЬ И НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ НАШЕЙ РОДИНЫ ДЕМОНСТРИРУЮТ РАБОТЫ VII ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ

Якуб Колас
Народный поэт Белоруссии
и вице-президент
Белорус. акад. наук

СТРАНА

Бодрое, радостное, незабываемое впечатление оставляет VII всесоюзный съезд советов. Это триумф наших огромных достижений. Представители республики, автономных областей, самых отдаленных районов неоподаточенной земли великого Союза собрались здесь.

Открытие съезда. Первое заседание. 1.974 делегата заблаговременно заняли свои места. Торжественное, радостное, возбужденное ожидание. В президиум входят члены Политбюро, правительство великой, прекрасной страны. Вот он, любимый вождь, величайший человек! Гром несомненно-лирических аплодисментов, восторженные крики переполненного зала, долго не умолкающее приветствие, овация.

В этом приветствии, в этих аплодисментах и овации чувствуются беспрельдная любовь, вера в своего вождя, ибо он, могучий корчиг, победоносно ведет партию и многоплеменный народ необъятного Союза от победы к победе.

Отчетный доклад правительства, сделанный тов. Молотовым, — блестящий, исполненный достоинства доклад главы правительства, чувствующего и создающего мощь страны, от имени которой он говорит. Внимательно, с захватывающим интересом, с радостью и гордостью за свою страну, за свое правительство слушают этот доклад делегаты. И не только они. В деле дипломатического корпуса также идет какое-то слово тов. Молотова. И такое же ошеломляющее впечатление производит доклад от отдельных представителей иностранных государств, особенно в тех его моментах, где говорится о нашей внешней политике, о политике мира, о нашей Красной армии, о ее росте и несокрушимой мощи.

Сильное впечатление производит выступление т. Тухачевского. И как снится нашей мощи — доклад тов. Орджоникидзе. Гром аплодисментов и дружный смех вызывают его слова о том, что Красная армия не воспользуется ни одним гитлеровским мотором для своего оснащения.

Спрашиваю одну делегатку, рабочую стекольного завода:

— Что скажете вы о съезде, привах домой?

— Уж и не знаю. Это, как говорится, «ни в сказке сказать, ни пером описать». Здесь я услышала как много успели рабочие многих заводов и фабрик, как хорошо поставлено у них дело. Теперь я вижу, как много нужно еще сделать нашему заводу и в смысле повышения производительности и в смысле благоустройства нашего быта. Пряду домой — уж и вальму за это дело. К тому же я еще и работаю.

Огромный резонанс получил этот съезд в стране. Еще теснее сплотил он трудящихся вокруг партии большевиков и ее великого вождя, организатора наших побед, тов. Сталина.

Писатели-делегаты VII всесоюзного съезда советов: ГОРКИН, АВДЕЕНКО, КИРИЛЕНКО, КОЛАС, КУПАЛА, ПАНФЕРОВ, ТАГИРОВА, ТИХОНОВ, ЩЕРБАКОВ.

ВЕЛИЧАЙШЕЕ НАГЛЯДНОЕ ПОСОБИЕ

Это — впечатление, которое остается на всю жизнь. Нет преувеличения в моих словах. Их поймет тот, кто пережил подобное.

Меня словно подняли на какую-то высоту, с которой можно обозреть всю грандиозную стройку, все, что происходит на нашей родной земле. Съезд советов — величайшее наглядное пособие.

Я жадно впитывал в себя цифры и факты, которыми пестрели доклады наркомов; я не проронил ни одного слова из выступлений академиков, строителей, колхозников, командиров промышленности, прославленных ударников шахт, заводов, электростанций, полей — людей, правящих одной, притом лучшей, частью мира. Здесь что ни человек, это — замечательная биография, поучительная каждая своей деталью. Каждая делегация представляет собою необычайный сплав из таких биографий, своеобразных, неповторимых и столь типичных для нашей страны.

Вот, к примеру, ленинградская делегация. Кто входит в ее состав? Красноармеец Тимошенко — водитель такта, смелый, находчивый боец, всегда один из первых, но на его груди уже красуется орден Красной звезды; за ним другой орденосец, молодой конструктор Малахов, поражающий всех своей страстью к изобретательству, режиссер С. Васильев, один из авторов прогрессивного по всему миру фильма «Чапаев», Василий Ек., юная, красивая, крепкая комсомолка, целиком воспитанная советской действительностью, в 17 лет председательница колхоза, а сейчас, 19 лет от роду, председательница Волховского сельсовета (Островского района); далее следует Коприцкий, бесстрашный начальник Хибинского рудника, дальнего десятилетиями слеза антагита ежегодно. Он полон сил, энергии, уверенности в дальнейших победах и ему, Коприкову, можно верить, когда он заявляет на съезде: «Нам надо так встряхнуть землю за полярным кругом, чтобы не было болот, гор, неосвоенных

рек. И мы встряхнем, достанем и медь и сырье для алюминия».

Дальше — т. Хинейко, прославившийся недавно на весь Союз своим героическим поступком, когда он, желая предупредить гибель турбины, бросился остановить ее, сознавая, что идет либо на верную гибель, либо на потерю нескольких пальцев. Произошло последнее. За Хинейко — Татарийский, один из зачинателей алюминиевой промышленности, руководитель Волховского алюминиевого комбината, который «лишь за год 25 тысяч тонн алюминия, т. е. столько же, и даже несколько больше, чем десятки предприятий во Франции; наконец, старый большевик Струпа, у которого в прошлом году сынка и каторги соратник Куйбышева по Самаре, председатель Ревкома казачьих войск, ныне председатель Ленинградского Облсполкома.

И разве ленинградская делегация исключение? Разве не та же картина повторяется во всех других делегациях, прибывших со всех концов социалистической державы?

Всем есть что рассказать. Все они по праву занимают трибуну, чтобы подвести волнующие итоги и хозяйственно, деловито, наметить ближайшую программу действий.

Ступаешь их с гордостью — за родину, за ее славные дела, за этих чудесных людей, за себя, с гордостью и одновременно с болью от сознания, что немногие из нас, советских писателей, могли бы с таким же правом занять эту трибуну, так просто, конкретно и убедительно разпороться лучшим людям страны о своих реальных достижениях.

И моя мечта, мое самое горячее пожелание, которое я упую с этого съезда:

Дожить до такого съезда советских писателей, который дал бы нам возможность так же ярко, исчерпывающе продемонстрировать мощь нашей литературы, все ее богатства и разнообразие, как этот съезд советов продемонстрировал хозяйственно-экономическую и политическую мощь страны и изумительное, неисчерпаемое богатство ее человеческого материала.

Янка Купала

Народный поэт Белоруссии

СОЗДАДИМ ПЕСНИ О ПРЕКРАСНОЙ РОДИНЕ

Оживился Кремль торжественным всесоюзным съездом, съездом знатных людей, подлинных хозяев необъятной советской страны. От холодных полярных стран до горячих южных полей, от Сахалина до пограничных степей с беслыми орлами явились люди труда, люди героизма, строители новой, радостной жизни. Явились, чтобы громко, по всей стране рассказать о своих победах, о торжестве на земле советской социалистического строительства.

Явились, чтобы рапортовать съезду, коммунистической партии, правительству о своих необычных успехах.

Явились, чтобы своими глазами увидеть своего друга, учителя, вождя мирового пролетариата И. В. Сталина и чтобы всем сердцем приветствовать его, великого человечество к новой солнечной жизни.

И нужно было видеть, как эти две тысячи лучших людей аплодировали своему Сталину, сколько было вложено любви, сердечности, задушевности в овацию в честь великого вождя пролетариата.

Отчетный доклад т. Молотова... Разве можно в нескольких словах сказать, что сказано т. Молотовым? Одно только чувствовалось, — что это говорит непобедимая советская страна, строящая социализм и прокладывающая ясные пути к мировой революции.

И как хочется всем сердцем создать и создавать песни о своей славной, прекрасной социалистической родине, о ее героях, строителях, и чтобы в песнях путевой звезды дивили мудрые мысли Ленина, мудрые мысли Сталина.

Дневник Литературной газеты

5 ФЕВРАЛЯ

«На всем пространстве Союза социалистических республик быстро развивается процесс возрождения всей массы трудового народа («в жизни честной — человеческой»), к свободному творчеству новой истории, к творчеству социалистической культуры — так говорил в своем докладе на первом всесоюзном съезде советских писателей А. М. Горький.

К сожалению, до сих пор мы очень мало знаем и о пути, пройденном каждой из национальностей нашего великого Союза, и о том, как идет процесс приобщения «к жизни честной — человеческой» во всех далеких уголках страны Ленина—Сталина. Лишь в самые последние времена мы добились в этом направлении некоторых успехов. Большую роль в деле «взаимного познания» прошлого и настоящего различных национальностей одной шестой мира сыграл всесоюзный съезд советских писателей и выступление А. М. Горького по этому вопросу. Немалое значение имели и многочисленные поездки писателей по стране.

На днях в Гослитиздате вышел альманах группы писателей (Г. Гузенер, В. Герасимов, В. Инбер, А. Митрофанов, Я. Рыжачев, В. Гусев, В. Левин, В. Вржливко, С. Мстиславский, А. Дроздов, Д. Стонин, Эль Ретяцкий, А. Татарова) — «Узбекистан».

фактов и цифр, отражающих успехи и победы страны хлопка, в художественных произведениях разнородного жанра (проза, очерк, поэзия, драматургия); авторы сделали попытку творческого проникновения в сложную и своеобразную действительность братской республики на основе ленинско-сталинской национальной политики, превратившейся из угнетенной парковой колонии в величайшую полуфеодалную экономическую в текущую республику социалистического типа.

Авторы сборника хотели показать «как выпрямляется человек в Узбекистане, заморозивший, угнетенный столетиями самого дикого, чудовищного угнетения». Авторы хотели показать, какие величайшие кадры новой советской культуры растут на воле социалистического строительства в Узбекистане. Они хотели показать героизм и трудность борьбы, переплетенность старого с новым и победою нового, социализма, проталкивающей в жизнь, прутящийся глубочайшим, нестерпимые корням, социализм в стране, которая пришла к нему из феодализма, из средневековья, в стране, бывшей еще так недавно колонией русского народа».

Альманах «Узбекистан» ценен не только сам по себе. Это лишь начало, за которым последуют (должны последовать) и сборники, посвященные другим республикам нашей замечательной родины, и больше художественные произведения, показывающие величайшие победы ленинско-сталинской национальной политики, показывающие грандиозные победы социализма на Востоке.

Альманах «Узбекистан», так же, как и недавно выпущенный Издательством

альбом «Десять лет Узбекистана» — хороший подарок к 10-летию национальной независимости республики Средней Азии, к 10-летию социалистического Узбекистана.

Расцвет социалистического театра в нашей стране вызывает большой интерес к работам по истории театра и драматургии. Характерно, что в театральной литературе не только узкий круг деятелей сцены, но и широкое слое зрителей и читателей. К сожалению, разработка истории театра идет у нас очень медленно, редко выходят монографии, посвященные той или иной проблеме, определенной эпохе, театру, режиссеру.

С этой точки зрения следует отметить почти Ленинградский театральный институт им. А. В. Луначарского, отразивший в недавнем своем сборнике «История театра» в настоящее время основное в нашем Союзе и крупнейшее в мире собрание книг, текстов, рукописей и иных материалов по истории театра, драматургии и смежных искусства и ведущая серьезную научно-исследовательскую и театральную работу, начала выпускать непрерывные сборники по истории театра «Театральное наследие».

Сборники будут помещать на своих страницах исследования по истории театра и драматургии, публикации архивных и документальных материалов и пьес из фондов Библиотеки и Ленинградского театрального музея, воспоминания деятелей театра.

Нельзя вышедший сборник переложить ряд интересных воспе-

дований и материалов, из которых особенно следует отметить работы С. Д. Балуцкого о горьковской драматургии и А. С. Булгакова «Раннее знакомство с Шекспиром в России».

Кроме этих работ в сборнике напечатана статья Ю. Неидова, дающая описание огромных богатств Ленинградского театральной библиотеки. Н. Пылина «А. Н. Островский в собраниях Л. Т. В.» и пьеса одного из деятелей Великой французской революции — Сильвена — Маршалля «Отрапный суд над королями» (публикация К. Н. Державина).

Готовящийся сейчас к печати второй том «Т. Н.» посвящается драматургическому наследию Н. А. Некрасова.

Принимая во внимание значение Ленинградского театрального института им. Луначарского, следует, однако, сказать, что отдаленно, даже удачно, попытки некоторых театров и библиотек внести посильный вклад в дело изучения театрального наследия не решат всего дела. Уже давно назрела задача создания большого всесоюзного органа типа известных сборников «Литературное наследство». Организация таких сборников или журналов, в которых могли бы найти место материалы и исследования работников не одной только Ленинградского библиотеки, но и Московского музея им. Бакунина, библиотек и музеев ряда крупнейших театров СССР (Малый, МХАТ и др.), а также виднейших критиков, режиссеров, актеров и художников, в сильнейшей степени должна бы вперед разработку проблем театрального наследия и способствовала созданию подлинно-научной истории театра.

Выступление красноармейцев и командиров УВО на вечере художественной самодеятельности РККА для делегатов VII съезда советов СССР — в ГАБТ.

В писателях Крыма

Успехи трудящихся масс Крымской АССР, руководимых коммунистической партией, огромны: из оставшейся колонии Крыма прорывались в орденскую социалистическую республику с гитлеровскими индустриями, передовыми колхозами и совхозами. Вместе с тем через авлаки южного побережья Крыма ежегодно пропускается по 300 тысяч рабочих и колхозников из разных районов СССР. Все это делает Крымскую республику одним из богатейших мест СССР по разнообразию и доступности его тематики для творчества советского фронта искусства.

К сожалению, состояние крымской художественной литературы до последнего времени не могло быть отмечено особыми завоеваниями, какие хотя бы в малой мере могли бы быть в сравнении с бурно развивавшейся хозяйственной и культурной жизнью героических масс Крыма.

Достаточно сказать, что всекрымская конференция писателей, предшествовавшая всесоюзному съезду ССР, вынесла в порядке самокритики резолюцию с призывом к повышению активности работы Крымского оргкомитета ССР. Здесь были отмечены отсутствие должной борьбы за качество и идейное содержание произведений, слабая критика и самокритика, ненадежность работы по обмену творческим опытом между писателями, чрезвычайно слабая работа с молодежью и начинающими, отсутствие прочной связи между центром и районами и т. д. и т. д.

Но особенно значительным недостатком Крымского союза советских писателей следует считать за последнее время, что здесь недоучитывалось значение активного использования богатейшей местной тематики. Это в первую очередь следует отнести за счет беспомощности писателей, работающих на русском языке.

Совещание читателей по всекрымской конференции писателей прямо заявляло, что из произведений русских писателей Крыма коренному населению отводится второстепенное место и что вообще эти писатели не сумели подойти вплотную к проблемам культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Отсюда — вынужденный курс проведения молодых русских поэтов, переводчиков, далеко не всегда удачно, Маяковского, Бельмонте и т. д. Здесь же надо искать объяснения и весьма явной работе по воспитанию молодежи и, главное, по связи более или менее квалифицированных литераторов с заводскими и колхозными массами.

В этом отношении «общими», отвлеченными, лирическими историческими конкретности темами следует искать причины и того, что русские писатели до последнего времени не имели органической связи с творческой жизнью крымских писателей, пишущих на татарском языке.

Между тем, собственно крымская литература представлена хотя и немногочисленно, но безусловно талантливо группой писателей, все время растущих, мужественно борющихся с остатками буржуазного национализма в своей среде и уже имеющих в рядах своих таких крупных художников, как старейший крымский писатель, поэт, прозаик и драматург Умер Ичмес, или совсем еще молодой, но исключительно многообещающий поэт Шемс-Заде.

Особое, исключительное видное место в крымско-татарской литературе занимает Ильяс Гархам, чья русская «Нагуллене» имеет в своей среде Крымца и пользуется огромной популярностью в массах коренного — городского и колхозного — населения республики.

К видному активу крымских писателей, работающих на русском языке, следует отнести, помимо названных

Граверы на дереве худ. А. Краевичко к изданию «Египетские ночи» А. С. Пушкина, выпускаемому на-днях Гослитиздатом.

Граверы на дереве худ. А. Краевичко к изданию «Египетские ночи» А. С. Пушкина, выпускаемому на-днях Гослитиздатом.

ных товарищей, также Иргата Надарова, Тынчарова, Дермиджи, Шемс-Заде, Гафарова.

Песенки Надарова и других поэтов вошли в обиход масс и распеваются по городам и колхозам Крыма.

Вышедший в числе других из комсомольской группы Бахчисарая (газета «Яш Кувет» — «Молодая сила») Джафар Гафаров в настоящее время работает руководителем народоара Бахчисарая, а Шемс-Заде — один из молодых ученых и педагогов края.

К сожалению, все же исключения поэты и прозаики Крыма вынуждены были до последнего времени по чисто бытовым условиям работать в различных культурных предприятиях, уделяя творческому труду лишь немногие часы, оставшиеся им от обязанностей редакторов, инструкторов, музейных работников и т. д.

И если для Гафарова его работа по народному просвещению, среди масс коренного населения, является необходимой условием для здорового роста поэтического его дарования, если в лице Шемс-Заде мы имеем не только критика, но и ученого, так что было бы неслесоборазно рали литературных занятий отрываться от работы на молодом научном фронте, то совсем необоснованными были «сомнения» для всех других немногочисленных писателей Крыма.

Вот почему надо вселенски приветствовать решение Крымского областного комитета ВКП(б), освободившее исключительно для творческой и организационно-литературной массовой работы товарищей, входящих в «железный фонд» крымско-татарской литературы.

Безусловно мудрое внимание партии Ленина-Сталина к наступившим вопросам культуры и литературы в братских республиках в полной мере сказалось в постановлении бюро Крымского областного комитета, вынесенном 19 января т. г. по иници-

ативе руководителей большевиков Крыма, т. Семенова.

В этом постановлении обращает на себя внимание разносторонний охват коренных и текущих нужд крымского писательства, включая сюда работу по таким конкретным моментам, как устройство квартирного вопроса, снабжение и т. д.

Все это обязывает писателей Крыма к неустанной работе и к новым творческим завоеваниям, наряду с продолжением решительной борьбы с возможными рендизмами на фронте искусства и литературы кулско-националистического влияния великодержавщины, наряду с несоблюдением мещанства, обязательной усложненности, дурных черт бюргизма и т. д.

Молодые русские писатели, живущие в Крыму, обязаны раз навсегда покончить со всяким проявлением в своих рядах отрыва от социалистической практики Крымской АССР и активно служить делу ленинско-сталинской национальной политики, вселенски помогая массовому движению культуры и искусства Крыма, творчески выявляя в конкретные народнохозяйственные проблемы края.

«Наша советская литература не является только литературой русского языка, это — всеобщая литература».

Вот о чем все мы, пишущие на русском языке, обязаны не забывать и не только не забывать, но и практически, на деле, трудиться, вселенски помогая росту братских литератур, их полному освобождению от влияния вредных влияний прошлого, их могучему обновлению, объединению всех их живых творческих сил вокруг великих задач партии Ленина-Сталина.

В. БАХМЕТОВ, Ф. ГЛАДКОВ, Г. САННИКОВ.

СЛОВО ПИСАТЕЛЮ, СЛОВО ЧИТАТЕЛЮ

Д. БЕРГЕЛЬСОН Ю. ЗАВАДСКИЙ

О БОЛЕЗНЯХ КРИТИКИ

Критика должна быть высокоавторитетной. Если писатель не убежден в том, что критик знает больше, чем он, то на помощь последнего он не рассчитывает.

Это как-будто аксиома. А ведь приходится повторять ее изо дня в день. Слишком часто сталкиваемся мы в нашей повседневной творческой практике с этой вопиющей правдой: наши критики не отличаются ни смелостью и оригинальностью мысли, ни глубиной познаний.

Чем может вооружить такая критика, какие перспективы она раскрывает перед тобой, в какой степени она помогает тебе познать мир и самого себя?

Я лично не могу жаловаться на некомпетентность критики. Я был «замечен» еще сразу после выхода первой моей повести. Мне посвящали статьи тогдашние «столпы» еврейской критики (это было лет двадцать пять назад). Но странное дело: меня, молодого писателя, не привели в восторг их щедрые комплименты, ибо за ними я не всегда видел то, что мне дороже всего в критике, — подлинное знание. Помню, как смешили меня похвалы одного из «вождей» тогдашней критики — Нигера (ныне пользующегося в марксов-бухаринской еврейской печати в Америке), уверявшего, что я ввел в литературный обиход какие-то новые слова, обороты и т. п.

А правда-то заключалась в том, что я черпал эти слова и обороты в народном фольклоре, — нашим критикам же это было невдомек. Такое же незнание и непонимание проявляли критики и в ряде других высказываний, например в положительной оценке как раз тех образов, которые я, как говорится, «высасывал из пальца», создавая больше на основе провольных допущений и гипотез, чем действительного наблюдения. Как часто попадаешь таким же образом врасей и наши теоретики критики!

Что меня больше всего удручает, это — шаблон в суждениях, обязательное «станцевание» от пеньки. Еврейская советская критика в данном случае есть, конечно, лишь частное выражение всего состояния критики в нашей стране. Шаблон, штамп, заезженная фраза, стандартные определения. Право, иной раз думаешь, что критик только и ищет таких книг, которые дали бы ему возможность пустить в ход весь этот арсенал характеристик. Не эти ли объяснения и то обстоятельство, что часто оригинальная, под обычные критерии не подпадающая книга слишком долго дожидается, пока критика удостоит ее своим благосклонным вниманием?

Выпадает и такое явление: Выходит книга молодого писателя, обнаруживающего очень своеобразное, свежее дарование. Но автор еще совсем незрел как мастер, он еще «срысывает». И вот начинается: еще поля зрения остается то новое, что принес художник, и яростно обстреиваются его недостатки, для разоблачения которых критик может пользоваться своим старым оружием. Молодой писатель, конечно, дезориентирован, смущен, сбив с толку.

Мне хочется привести конкретный пример. Молодой еврейский поэт Тейф выпустил свою первую книгу. В ней оказалась известная, как выражаются у нас, процент «общих мест». Именно этот процент и проработан основательно нашей критикой.

А вот то Тейф — поистине замечательный поэт, оригинальнейшее дарование, что он, при всех «общих

местах» в книге, является чуть ли не единственным самостоятельным художником молодого поколения, идущим своей дорогой, а не теми путями, которые являются сейчас основными в современной еврейской поэзии, путем Голдштейна и Маркина, — этого никто не заметил, об этом мало кто говорил.

Итак, недостатки нашей критики: во-первых, ограниченность знаний, во-вторых, приверженность к штампам. Есть еще и «с-третьих»: превращение. Это большое бедствие. Это болезнь, от которой не свободны и крупнейшие критики. Я очень высоко расцениваю Литвакова. Он острый критик, у него сильная хватка. Но он нередко во власти предубеждений, переживающих иногда в род «навязчивой идеи». Это ослабляет силу его воздействия, снижает удельный вес иных его выступлений. А ведь Литваков — не единственное явление. Посмотрите вокруг себя, и вы убедитесь в этом.

А если мне хотелось бы еще сказать, это относительно проблем критики и литературная молодежь. Тут допущено много ошибок. Тут, правда, сказано немало бед. Наша критика была синхронизирована «высшей силой и мерой», она охотно делала «скидки» по первому ходатайству. Это воспитало в значительных слоях критической молодежи безответственное отношение к вопросам искусства. Нужно беспощадно ломать это отношение. Нужно привить молодежи «культуру художественного труда».

А это не так просто. Очевидно, здесь свое особое слово должны будут сказать не только профессиональные критики, но и сами писатели, имеющие большие творческие опыты.

В заключение — несколько слов по поводу странных высказываний В. Катаева в «Литературной газете» 6 января.

Можно соглашаться или не соглашаться с Катаевым в отдельных конкретных оценках или положениях, но прямо поражает следующее заявление: «С тех пор, как я прочел предисловие Толстого к сочинениям Гю де Мопассана, для меня ничего не было сказано умнее о литературе. И я вынужден пользоваться высказываниями Толстого, которые, несомненно, по многим устарели».

Подумал ли т. Катаев, прежде чем произнес эти слова? Так-таки ничего умнее слов Толстого о литературе не пришлось встретить? Тогда разрешит мне т. Катаев напомнить ему о высказываниях... Леммина во вопросах литературы! Опа, правда, были сделаны уже после того, как Толстой написал свое предисловие, но, право же, «кое-чем» могли бы быть полезны и строгому писателю. Я думаю, что Пехларов, Воронский, Луначарский тоже заслышатся вниманием В. Катаева, распускающего о суете марксовскую критику.

И я сам того мнения — и выше говорил об этом, — что у нашей критики имеются колоссальные недостатки, но обвинять ее целиком в несуществовании или посылать ее в «школу Толстого» — просто бессмысленно. Есть адрес более близкий — школа Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. У них учиться, их эстетику, их концепцию раскрыть, положить в основу нашего литературоведения, на уровень их мыслей поднять нашу художественную критику — вот задача, которую ставит эпоха перед советскими критиками.

И наш долг, долг советских писателей, об этом чаще напоминать.

КРИТИКА И ВОСПИТАНИЕ АКТЕРА

Каковы первоочередные задачи театральной критики?

Прежде всего она работает в помощь театру, затем она должна быть посредником между театром и зрителем, и наконец, синтезировать собой общественно-театральное мнение о работе данного театра.

Для осуществления первой задачи театральной критике в большинстве случаев не хватает глубокого знания своего материала. Она недостаточно знает специфику театра, а каждое конкретное театральное явление не изучает, а критикует на основании весьма поверхностных, первичных впечатлений.

Отсюда подчас летковские и врандеевские высказывания: врандее и театру, если он к ним приобщается, вреднее и потому, что дезориентируют зрителя.

Критик обязан быть чутким, внимательным, зорким, любознательным. Но раз язык, то особо бдительным, строгим не только к другим, но и к себе.

Иногда поражают в высказываниях театральной критики такое явление: с громадным вниманием и тщательностью и с неограниченным добродушием оберегаются, восхваляются, сопровождаются многоречивыми комментариями и разосеренными кетто весьма второстепенные, подчас третью сорта, и синхронизированные критиком и пренебрежительным (почти отрицательным) молчанием встречается значительное и ценное.

Наш театральный критик весьма доверчив, и такая странная, если не сказать больше, расстановка оценок совершенно дезориентирует его. Правда, в большинстве случаев эта оценка действительна только на этапе, когда критик только начал разбираться сам, и таким образом часто вместо того, чтобы синтезировать общественно-театральное мнение о театре, критика выступает в противоречие со зрителем и оказывается вытесненной широким общественным мнением.

Проблема критики — это в большинстве случаев проблема воспитания зрителя, воспитателя, который должен обладать более тщательным и внимательным знанием каждого отдельного актёра и его роли; отсюда — внимательное изучение работы режиссёра не только по линии его постановочных задач, но и по линии его постановочных задач.

Важно отметить, что критика должна быть не только наблюдением, но и анализом, анализом причин роста или деградации актёра, что обычно выходит за поля зрения нашей критики.

И наконец, последнее (и первое) требование к критике — высокая идейность, мировоззренческая четкость, политическая зоркость, глубокое понимание целей и должностных функций растущего советского театра.

Много помогают в педагогической работе и статьи современных критиков. Благотворно и по форме и по содержанию работы Луначарского, своей глубиной разрешения вопросов, своей эмоциональностью и пафосом стоят в одном ряду с статьями критиков-классиков.

Большинство статей современных критиков грешат схематизмом. В них нет синтетического раскрытия жанра художником образом, нет углубленного анализа формы. Такая критика не конкретизирует, не раскрывает читателю авторских замыслов и достижений. Пользоваться ею в работе, конечно, не приходится.

В заключение хочется отметить отсутствие критической литературы, доступной пониманию школьников, увлекательной по форме, полубеллетристической по изложению.

Много помогают в педагогической работе и статьи современных критиков. Благотворно и по форме и по содержанию работы Луначарского, своей глубиной разрешения вопросов, своей эмоциональностью и пафосом стоят в одном ряду с статьями критиков-классиков.

Большинство статей современных критиков грешат схематизмом. В них нет синтетического раскрытия жанра художником образом, нет углубленного анализа формы. Такая критика не конкретизирует, не раскрывает читателю авторских замыслов и достижений. Пользоваться ею в работе, конечно, не приходится.

В заключение хочется отметить отсутствие критической литературы, доступной пониманию школьников, увлекательной по форме, полубеллетристической по изложению.

Много помогают в педагогической работе и статьи современных критиков. Благотворно и по форме и по содержанию работы Луначарского, своей глубиной разрешения вопросов, своей эмоциональностью и пафосом стоят в одном ряду с статьями критиков-классиков.

Большинство статей современных критиков грешат схематизмом. В них нет синтетического раскрытия жанра художником образом, нет углубленного анализа формы. Такая критика не конкретизирует, не раскрывает читателю авторских замыслов и достижений. Пользоваться ею в работе, конечно, не приходится.

ОТЗЫВ ПЕДАГОГА

Беседа с преподавательницей русского языка и литературы 56-й школы ДОНО В. Н. Лукашевич

Было время, когда весь разбор того или иного произведения в классе приходилось проводить, основываясь на критических статьях. Теперь мы получили стабильные учебники, которые дают некоторый материал о произведении и авторе. Но провозгласить анализ художественных произведений по учебникам немалым. Поэтому приходится часто обращаться к работам современных критиков. И не только современных. Ведь проанализировать классиков без использования статей Великого, Плещеева, Добролюбова, дающих глубокий и всесторонний анализ вещей и являющихся по сути пор неисчерпаемым источником эмоциональной зарядки и творческого вдохновения для читателя.

Много помогают в педагогической работе и статьи современных критиков. Благотворно и по форме и по содержанию работы Луначарского, своей глубиной разрешения вопросов, своей эмоциональностью и пафосом стоят в одном ряду с статьями критиков-классиков.

Большинство статей современных критиков грешат схематизмом. В них нет синтетического раскрытия жанра художником образом, нет углубленного анализа формы. Такая критика не конкретизирует, не раскрывает читателю авторских замыслов и достижений. Пользоваться ею в работе, конечно, не приходится.

В заключение хочется отметить отсутствие критической литературы, доступной пониманию школьников, увлекательной по форме, полубеллетристической по изложению.

Много помогают в педагогической работе и статьи современных критиков. Благотворно и по форме и по содержанию работы Луначарского, своей глубиной разрешения вопросов, своей эмоциональностью и пафосом стоят в одном ряду с статьями критиков-классиков.

Большинство статей современных критиков грешат схематизмом. В них нет синтетического раскрытия жанра художником образом, нет углубленного анализа формы. Такая критика не конкретизирует, не раскрывает читателю авторских замыслов и достижений. Пользоваться ею в работе, конечно, не приходится.

В заключение хочется отметить отсутствие критической литературы, доступной пониманию школьников, увлекательной по форме, полубеллетристической по изложению.

Много помогают в педагогической работе и статьи современных критиков. Благотворно и по форме и по содержанию работы Луначарского, своей глубиной разрешения вопросов, своей эмоциональностью и пафосом стоят в одном ряду с статьями критиков-классиков.

Большинство статей современных критиков грешат схематизмом. В них нет синтетического раскрытия жанра художником образом, нет углубленного анализа формы. Такая критика не конкретизирует, не раскрывает читателю авторских замыслов и достижений. Пользоваться ею в работе, конечно, не приходится.

В заключение хочется отметить отсутствие критической литературы, доступной пониманию школьников, увлекательной по форме, полубеллетристической по изложению.

Много помогают в педагогической работе и статьи современных критиков. Благотворно и по форме и по содержанию работы Луначарского, своей глубиной разрешения вопросов, своей эмоциональностью и пафосом стоят в одном ряду с статьями критиков-классиков.

Большинство статей современных критиков грешат схематизмом. В них нет синтетического раскрытия жанра художником образом, нет углубленного анализа формы. Такая критика не конкретизирует, не раскрывает читателю авторских замыслов и достижений. Пользоваться ею в работе, конечно, не приходится.

В заключение хочется отметить отсутствие критической литературы, доступной пониманию школьников, увлекательной по форме, полубеллетристической по изложению.

Много помогают в педагогической работе и статьи современных критиков. Благотворно и по форме и по содержанию работы Луначарского, своей глубиной разрешения вопросов, своей эмоциональностью и пафосом стоят в одном ряду с статьями критиков-классиков.

Большинство статей современных критиков грешат схематизмом. В них нет синтетического раскрытия жанра художником образом, нет углубленного анализа формы. Такая критика не конкретизирует, не раскрывает читателю авторских замыслов и достижений. Пользоваться ею в работе, конечно, не приходится.

В заключение хочется отметить отсутствие критической литературы, доступной пониманию школьников, увлекательной по форме, полубеллетристической по изложению.

Много помогают в педагогической работе и статьи современных критиков. Благотворно и по форме и по содержанию работы Луначарского, своей глубиной разрешения вопросов, своей эмоциональностью и пафосом стоят в одном ряду с статьями критиков-классиков.

В ПРОСЫ ПОЭЗИИ

На фоне общего подъема советской литературы поэзия уже давно выдвигается как участок не вполне благополучный. Дело не в отсутствии дарований. Если в первые годы реконструктивного периода удельный вес поэзии падал, это было неизбежно вследствие ее традиционной бурно роста поэмы. В смысле же последние годы в поэзии наблюдалось определенное оживление. Пейзаж ряд новых поэтов, частью молодых, частью менее молодых, но в тех пор не замечавшихся, стал привлекать внимание критики и читателя. Но это оживление не было явлением здоровой поэмы. Именно новые черты в этих поэтах должны были вызвать беспокойство. Создалось некое течение, незначительное в своих рядах талантливых и оригинальных поэтов, определенно сформировавшееся, опасный путь — переходил подпольно к части критики. Правда, это течение представляло далеко не всю поэзию. Но оно было самым шумным и пафосным. Его участники были твердо уверены, что они — единственные «состоящие» поэты, а все остальные — второй сорт.

Отдельные голоса, указывавшие на неблагоприятность поэтического фронта, оставались незамеченными, пока прозвучал летом А. М. Горький и обратился внимание на поведение двух из замечательных поэтов всего времени. Однако принципиальные выводы на указания Горького сделаны не были. В результате — то возрождение традиционных боковых явлений и хулиганства, от которых до фазиса, по рекою и верному слову Горького, — расстояние с воробьиный нос, о которых мы теперь читаем в газетах. Особенно тревожно то, что явления эти обнаружались одновременно в «вершущих» и в «синах». С одной стороны, целый ряд молодых отличных талантливых оказался необходимым, повзвучит серьезным общественным переживаниям, с другой — поэтический молянок целой «клеткой» организации, причем одной из наиболее многочисленных и активных, оказалась почти полностью заражена кулско-националистическим Заветка А. Селивановского о нравы и творчестве молодых свердловских поэтов рисует картину поистине неприглядную. Вытеснение разрозненные, хулиганство, граничащее с уголовщиной, открытые выступления против марксовско-ленинских критики, ущемление открыто белогвардейской вертикальной, — все

это конкретизирует слова Горького о хулиганстве и фазисах так прямо и просто, что если бы кто-нибудь увидел все то, чем рассказывает Селивановский, его несомненно обвинили бы в вульгаризации и упрощении.

Селивановский совершенно правильно ставит вопрос о связи между «этим и другим фазисом» и характером поэтической работы этих поэтов. Моральное разложение и политическая дегенерация определенной части наших поэтов стоит в прямой связи с характером того течения, о котором я говорил и которое являлось авангардом нашей поэзии в 1933—34 годах. В общем и целом это течение можно определить как враждебное мысли. Стремясь изгнать из поэзии всякую мысль, оно давало почву для обидливых формалистов, рассматривавших поэзию как чистое мастерство, «снурованками», расстреливавших ее как чистое выражение эмоций. «Мастерство» и «лирика» были его любимыми лозунгами. Ругая за «чисто поэтическую», стиховую культуру, оно отворачивалось от всякой другой культуры. Этим оно способствовало отрыву поэтов от общественной жизни, замыкая их в особую касту мастеров. Не отказываясь — по крайней мере в лице лучших своих представителей — от большинства своей политической тематики, оно отказывалось от политической поэзии большого стиля. от поэзии политической мысли, от поэзии, расширяющей и углубляющей политическое сознание, svolta роль политической поэзии к роли простого ругателя для передачи чувств, получаемых в тотом виде и только называемых поэтом как оцепенение. Стихотворение, или как описать-таки тотого материала для выживания отговорных уборов.

Было бы совершенно неправильно во поэтические силы, временно объединенные этим течением, характеризовать как враждебные и реакционные. Оно вступило в себя и влило здоровых, советских поэтов с чисто индивидуальным уклоном в «легкую» котированную мыслью поэзию. Такая легкая поэзия сама по себе вполне возможна, возвращаясь против ее существования было бы глупо. Такова, например, поэзия Александра Прокофьева, поэта талантливого и глубокого советского. Сильная сторона Прокофьева — проникновенное все его поэзия живородности, играющая не только, добрый забывает свои. Все это очень хорошее качество, кладущие рогую грань между Прокофьевым и всякими новоявленными Вертинскими. Но Прокофьев систематически забывает мысль, его поэзия — живая

Д. МИРСКИЙ

то физкультурная поэзия, физкультурная — необходимое звено в советской культуре, но она не может претендовать на руководство другими сторонами жизни. А Прокофьева выдвигают в мэтры, в учителя, и это уже явление нездоровое, возможное только в той неадекватной атмосфере, которая создается в поэзии. В этой атмосфере здоровые, но мало способные на руководящие элементы оказались связанными с элементами чуждыми и прямо враждебными — с жителями мажорского, воспринимавшим наступление бесклассового общества как потребительский рай, наравленный от классовых борб; с мещанами, поверхностно «перестроившимися» в революцию — тяжелой доспех по плечу, а вертлявыми, благовоспитанностью и хулиганство — спокойный уклон, где можно отвести душу после идеологических трудов, и, наконец, с открыто кулскими поэтами вроде П. Насильева.

И мещане, чаше всего бесклассовое общество как потребительский идиллический и мещане, старательно играющие в революционеров, и нагло приспосабливаясь кудаче имела поэзия других прав — те специфические условия, в которых до сих пор живут и работают наши поэты. На этих специфических условиях особенно выныривают следующие три: особый характер поэтического труда, особый характер требований, которые предъявляет поэт к печати, и особенно оставшиеся поэтической критики.

Поэтический труд менее регулярен, чем труд прозаика, и требует меньшей дисциплины. У профессионального поэта больше свободного времени, чем у всякого другого профессионального писателя. Прозаик не может писать без большой предварительной

работы по собиранию материала. Поэт может ограничить предварительную работу чисто формальными «заготовками» и брать материал из наблюдений, а из «переваривания». Все это благоприятствует развитию боковых явлений. С божемошью поэтов можно бороться, не допуская слишком раннего профессионализации поэтов. Но это только ограничить, а не искоренить. Будем называть вещи своими именами. Божемошья жизнь ничем не отличается от всякого другого

Основная линия борб; с планством — подъем культурного уровня масс. То же и с поэтами. Развитие божемошья жизни обратно пропорционально общей культуре поэтов. Радикальная борб; с божемошью может быть только борб; самих поэтов за всестороннее овладение социалистической культурой. Пока культура поэта ограничивается чисто «поэтической» культурой, до тех пор божемошья не будет искоренена. Она логически и органически вытекает из той враждебной мысли и во всякой интеллигентской культуре, которая существует в большей части нашей поэзии. Конечно, враждебные элементы, примазавшиеся к советской поэзии, будут бешено бороться против культуры. Марксовско-ленинская культура для них не новость. Недаром в Свердловске одна из основных средств борб; с синхронизацией поэты и хулиганство — систематическое высомыание «ортодоксии».

Другой фактор — характер требований, предъявляемых к поэтам печатью. Когда газета берет заказ прозаика, такой заказ обычно требует серьезной работы над материалом, ознакомления с новыми сторонами советской жизни, поездок по стране и работы на местах. Конечно, и на этого поэта возможны хулиганства и врандеевство, но сама по себе работа для газеты не только не деморализует писателя-прозаика, но бывает лучшим стимулом к более всестороннему изучению действительности. От поэта газета требует не очерков, а «откликов». «Отклик» не требует ни новых знаний, ни работы над материалом. Поэт должен только стихотворно оформить некое чувство, разделимое всей страной. Нельзя сказать, что поэты должны уметь выражать чувства социалистической страны. Но можно и нужно осуждать редакторов за недостаточную требовательность к славаемой продукции. Чтобы стихи были замечательными, чтобы они были похожи на хорошие стихи и чтобы данные обитая и вызванные ими чувства бы-

ли правильно названы, независимо от того, дадут ли они реальное поэтическое выражение любви или ненависти, рабочею классу, Воякии сколко-нибудь любви стихотворец легко научится писать так, чтобы выходящая похвала на благомысленное чувство. Даже П. Васильев писал перемонашечные стихи. В таких условиях поэт начинает чувствовать себя владельцем профессионального секрета, от которого ничего другого не требуют, кроме умения писать «похожие» стихи на заданную тему. Конечно, в этих условиях легко деградировать и мастерство. И выходит, что тогда как газетная работа прозаиков в общем и целом полезна для них, газетная работа поэтов способствует их деморализации, воспитывая в них отношение к политической теме как к колдому товару, и к «мастерству» — как к колдому произведению прилагательного.

Третий специфический фактор, действующий в поэзии — особая ответственность поэтической критики. Эта ответственность, несомненно, связана с тем, что еще с конца периода военного коммунизма поэзия — несмотря на бытовую фигуру Маяковского — была второстепенным участком советской литературы. Основные, задаваемые эпохой художественные задачи разрешались художественной прозой, на ее долю приходилось все основное работа по художественному овладению советской действительностью. Концепция социалистического реализма разработана почти исключительно в применении к роману и драме. Основные критические силы работали на этом материале. Критика стихов ополчилась в ряд предостерегающих редакционных наименее компетентных работников. Прозерной поэтики зрения на поэзию у нашей критики и литературоведения вовсе нет. Здесь едутся только кулские и врандеевские, которые уже нетерпимы в

1. Во избежание кривоколки считая нужным подчеркнуть, что все вышесказанное ни в какой мере не относится к целому ряду поэтов (Д. Велький, А. Вяземский и др.). Все их лучшие и наиболее характерные поэтические стихи основаны на конкретном материале. В этом отношении их газетная работа отличается от работы других поэтов в газете, приближаясь по своей функции к работе прозаиков. Тем менее относится эта характеристика газетной поэзии к Маяковскому, но Маяковский был гитан, при всяких условиях работы он оставался тем великим революционным поэтом, которым он не ушел

критике, работавшей над прозой. В области теории поэзии не сделано ничего. Самый смысл термина «стихотворение» в отношении литературной поэзии остается совершенно невыясненным. Об этом понимается по аналогии с романом и драмой, как изображение «характера» или «положения», то в смысле зрительного образа, хотя совершенно ясно, что зрительный образ никак не является обязательной принадлежностью лирики. Больше чем где бы то ни было критика ограничивается оценкой политических намерений поэта, оценкой его «приближения» к «общественной» критике или совершенно не умеет ее связать с политическим содержанием, или обнаруживает свои вопиющую неграмотность в вопросах поэзии.

В результате — полное презрение поэтов к критике, презрение, несомненно имеющее весьма вредное идеологическое влияние на не очень устойчивых и образующее почву для скверных разговоров об «ортодоксии». Непомощность критики сыграла прямую роль в образовании и то тетушка врагов культуры и мысли, о котором идет речь.

Такой некомпетентной критике некоторые поэты потащались противопоставить свое «деловую критику», своеобразную «ортодоксию» и «неудачно» ограничивая их принципиальные обязанности, уводя их кругозор, и тем романизируя поэзию. Основание, задаваемые эпохой художественные задачи разрешались художественной прозой, на ее долю приходилось все основное работа по художественному овладению советской действительностью. Концепция социалистического реализма разработана почти исключительно в применении к роману и драме. Основные критические силы работали на этом материале. Критика стихов ополчилась в ряд предостерегающих редакционных наименее компетентных работников. Прозерной поэтики зрения на поэзию у нашей критики и литературоведения вовсе нет. Здесь едутся только кулские и врандеевские, которые уже нетерпимы в

Смысл, который они вкладывают в эти слова, должен быть несколько неожиданным для доклатчика. «Надо держать» они попали в смысле «надо держать против редактора». В быту они «дерзали» и раньше. До чего они додержались, теперь уже

ПОЭТЫ СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

Паоло Яшвили

Лебедачайская ночь

Лунные крылья
С медленной силой
Ночь перелетела
Звезд роликками —
Все, что увидели, ртутью покрыли,
Лес полуживым, воду и камень.
Тяжки, шершавы,
Листья дубравы
Гудели бесслышно,
Ветви ж свали,
Вся беззагольная грозово дышала
Та тишина, где уступы вставали.
Все прощумело.
В блеск онемелый
Три раза шел уж
Пелух одичало.
Сон еще властвовал, теплый и смелый,
Над берегами Лебедачая.
Дремой согреты,
Так незаметно
Я до рассвета
Лезал, не вставая,
Между друзей на стоянке заветной,
Между охотников, что отдыхали.
В том омерзении,
Пожожем на мчанье
Света в молчании,
Воспоминанья, не ревя,
Дочкой козляком, коней турчанкой,
Навстречу рассвету распахнуты двери.
Встретимся глазами,
Сердцем я замер,
Ветви, оказал бы,
Так же пьяншая.
Рыбой сверкнув в водопольном пламя,
Снова легла на пынцове шуршащей.
Делать мне что же,
Мир если оял
Песенкой, стожей
Лишь с колыбельной?
Крикнул я спешку лагерю с древою:
— Утро, товарищи, — бросьте постель!

Перевод Н. ТИХОНОВА.

С. Чиковани

Описание весны и быта

Вот комната. Солнце. Жилое тепло.
Зеленое некое в распахнутых окнах.
В еще неповторимом мире света.
Он плывал в матовых ватных волокнах.
Вот важная, мудрая кошка в лучах,
В оранжевых отблесках книги и кресла.
Смежающийся мир. Человеческий овраг.
Опыт это вышло. Слова воскресло.
Поэт прокинул свое колыбель.
Но за это ему и платили дорожку.
Но сердце поэта прогорело давно
И стало на комнату очень похоже.
Бывало, оно воевало, круша
Прогоревшую кухню жилистого адата.
Тут первый матеж начинался когда-то.
Тут первое слово сказала душа.
Но корни пустились и гнезда мы свили,
Боялись, как нянек, домашних тишин
И будто традиция Бараташвили,
Поставили стол и тахту и кувшины.
И демон беселся, как гипсовый слепок,
Глядясь из комнаты. И колокол вост:
— Не тронь, революция, этого сдвига!
— Не двайга вост! Не лодья бытовое!
Поэты, не тратьте на описанья чернил,
Изменили страну и обринули гранит.
Но комнатный демон души сохранил.
И комната рудила свой сокранит.
Ишь дайте ей ваян, на Запад отправьте,
В страну без поэтов, к поэтам без тем.
Отправьте к изменникам собственной правде,
На Запад, на Запад, — и к чорту астам.
Вот в комнату входит и небо, и пихта,
Влетает луна вместо маленьких ламп.
Поэт, если ты не потомок каких-то
Правдаедов, — сердце разбой пополам.
На две половины, и вышиб одну!
Останется лужина, верная в бое,
И комната дохнет в прожженных обоев,
И книги ей тоже обаяют войну.
И время ей бросит «прощай», уходя,
И дасток горсть, и последний звоночек
У двери, и листья, и капли дождя.
Так время с одной из жилых одиночек
Простится, на волю навеки уходя.
Помогут ей астишки, повзрослевшей,
Поможет ей солнце, чистой и большой.
Поэты придут из деревни зеленой,
Ворются с ее постаревшей душой.

Перевод П. АНТОНЬКО

Нико Бараташвили — замечательный грузинский поэт-романтик первой половины XIX в.

О богатстве грузинской литературы, в частности о поэзии, на протяжении всей ее истории истерично рассказывал в своем обстоятельном докладе тов. Торшенидзе на первом всесоюзном съезде писателей. Коснулся только лишь некоторых основных вопросов грузинской советской поэзии.

Наивысшим достижением древнегрузинской поэзии является гениальная поэма Шота Руставели «Викикс Ткаосани» (Носиян тигровую шкуру, XII в.).

Выдающимися представителями грузинской поэзии в последующие периоды являются поэты Д. Гурамишвили и Бесика (Висарикон Габушани). Эта эпоха в истории Грузии характеризуется упадком политического и экономического положения Грузии, что особенно остро чувствуется в последние десятилетия XIX в.

В поэзии XVIII в. и начала XIX в. особенно наглядно проявляется перекрестное влияние Запада и Востока. Эта эпоха выдвинула блестящую плеяду поэтов: А. Чавчавадзе, М. Бараташвили, Г. Орбелиани и др.

В своей поэзии Н. Бараташвили отобразил всю безысходность человека, который не может в существующих условиях вернуть свои силы и обречь на уныние. Поэзия Бараташвили характеризуется исключительным богатством форм.

Крупнейшие представители поэзии 60-х годов, поэты И. Чавчавадзе и Акикий Церетели развили борьбу против старого поколения (Г. Орбелиани и др.), записавшие традиции феодальной Грузии. Они боролись за утверждение нового языка. Их поэзия принесла гуманные идеи освобождения народа в духе буржуазного шерализма.

Широкие художественные обобщения жизни гибнущего дворянства, национальная романтика 60-х годов — вот что характеризует творчество И. Чавчавадзе, а характерная особенность поэзии Акикий Церетели — это его близость к народному творчеству, исключительная молодичность и музыкальность стиха.

Особое место в грузинской поэзии занимает творчество гениального по-

эта Важа Пшавела. Реалистические, монументальные картины природы, лирические пейзажи, являются своего рода фоном для более глубокого раскрытия внутреннего мира его героя.

Возрождение грузинской литературы на новой основе начинается после установления советской власти в Грузии. С первых же дней победы пролетарской диктатуры в Грузии начинается процесс глубокой дифференциации среди писателей. Определяется часть грузинских писателей, занявшая явно враждебную позицию по отношению к советской власти, а другая, более прогрессивная часть, высвободившись из-под влияния классово враждебных идей, постепенно переходит на позиции пролетариата.

В данный период Грузии имеют сильные кадры пролетарских писателей и поэтов, которые выросли идейно и творчески. Лучшие из них в художественном отношении настолько окрепли, что не уступают старым мастерам грузинской поэзии.

Одним из крупнейших поэтов современной Грузии, Гапаникон Табидзе, в своем творческом развитии прошел большой и трудный путь преодоления неосознания. Он — подлинный романтик пролетарской революции. Его поэзия «Опоха», «Революционная Грузия» и ряд высокохудожественных стихотворений на тему социалистического строительства свидетельствуют о том, что поэт органически связан с нашей действительностью. Тут же необходимо отметить, что в целом ряде стихотворений он еще не освободился от абстрактного подхода к теме и известной доли риторики.

Весьма интересную творческую фигуру представляет пролетарский поэт А. Машивили. Характерные мотивы его творчества — это романтика революционных боев и показ во-

его человека. Его последняя поэма, «Елгури», показывает, что поэт выходит на путь болевой формы.

Карло Каладзе, автор ряда драматических произведений, успешно работает и в области советской поэзии. Его поэма «Учардон», написанная на тему о коллективизации, является свидетельством быстрого творческого роста поэта.

Среди пролетарских поэтов Грузии значительной силой является К. Лордкипанидзе, сейчас продуктивно работающий в области прозы, автор ряда высокохудожественных стихотворений на тему о социалистическом строительстве.

Значительной поэтической культурой обладает поэтический актив бывшей Грузии грузинских символистов: Паоло Яшвили, Тиман Табидзе, Валерикон Гаприндашвили, Георгий Ледозидзе, Николо Минцишвили и др. Характерной особенностью творческой позиции этой группы в первый пери-

од были самоодичивший эстетизм, культ формы и угодничества. Но на дальнейших этапах революции мы имеем процесс резкой дифференциации среди них. В результате решительной идейной борьбы мы получили ряд крупных советских поэтов. Несмотря на то, что в отдельные моменты эти поэты возвращаются к «стихотворению», в данный период они покидают этот шапталый путь и делают предметом своего творчества строительство новой социалистической страны. Отмену стихотворения Паоло Яшвили «На смерть Ленина», поэму «Полар в Кутайсе» и последние стихотворения, посвященные «Первому лету Колхиды».

Новому социалистическому строительству посвящены стихи Тимана Табидзе «Гришашвили», «Колхиды» и др. Гаприндашвили, гениальный символист в прошлом, быстро перестраивает свою творческую работу. Его стихотворения «Ферро», «Дмитров»

«Моей стране», посвященные Счастью Советов, наглядно показывают, что в его лице мы имеем крупную силу советской поэзии.

Значительный идейный рост показав за последние время один из представителей современной грузинской поэзии, Симон Чиковани. В начальном периоде своей поэтической деятельности Чиковани находился под влиянием русского футуризма. Но в результате кропотливой работы над собой, изучения классиков он освобождается постепенно от традиций футуризма и становится в первые годы советской поэзии. За последнее время он дал ряд значительных вещей: «Ушкульский комсомол», «Ветер в Хакматах» и «Героям Колхиды».

Первые годы революции выдвинули пролетарских поэтов: С. Зули, И. Валерикон, Зомлетели, П. Самонидзе. Творчество этого поколения про-

летарских поэтов характеризовалось абстрактностью, космическим восприятием революции, риторизмом. В процессе развития нашей литературы эти поэты начинают конкретно подходить к строительству новой жизни. Из этой плеяды я отмечу творчество поэта Зули, одного из пионеров пролетарской поэзии в Грузии. Его творчеством присущи классовая выдержанность и идейная целеустремленность.

Выросли, выдвинулись новые кадры пролетарских поэтов, которые ведут интенсивную творческую работу. Укажем на таких талантливых поэтов, как Ф. Нароушвили, И. Абашидзе, Г. Качакидзе, А. Гомашвили и др.

Весьма яркими фигурами в грузинской поэзии являются поэты С. Шанишашвили, А. Кутатели, Р. Гваздазе, А. Чичинадзе, И. Мосешвили, Г. Кучишвили и др.

Основная тематика поэзии Шанишашвили — жизнь деревни и крестьянства. Ряд его высокохудожественных стихотворений — «Календарная повесть», «Падение дуба в Чигатурском лесу» и др., привлекательные в равную меру поэзией, носят истинно народный отпечаток меткообразной идиоматики. За последние годы Шанишашвили идейно переориентировался и успешно работает над тематикой современности. С большим поэтическим пафосом наглядно стихотворение А. Нутатели «Чалвадары». В этом стихотворении поэт в ярких образах передает специфику, своеобразный колорит жизни старой Саветии. Непонимание поэтическим произведением является стихотворение поэта Р. Гваздазе «Сестры Мерквалидзе», посвященное революции 1906 г. и стихотворение К. Чичинадзе «Апокалипсис».

Огромные наши победы на фронте культурной революции. Мы имеем большие достижения в строительстве грузинской, национальной по форме и социалистической по содержанию, культуры. Эту победу всецело надо отнести за счет ленинско-сталинской национальной политики.

ЦК КП(б) Грузии и лично руководиле большевиков Закавказья тов. Л. Берия с величайшим вниманием следят за развитием советской литературы Грузии, создавая для писателей все условия для плодотворной творческой работы.

Советские писатели Грузии, вдохновляемые величайшими волевыми историческими победами нашей родины, еще теснее сплотят свои ряды вокруг великого вождя народов вождя мира тов. Сталина и создадут произведения, достойные нашей эпохи.

Советские писатели Грузии, вдохновляемые величайшими волевыми историческими победами нашей родины, еще теснее сплотят свои ряды вокруг великого вождя народов вождя мира тов. Сталина и создадут произведения, достойные нашей эпохи.

Советские писатели Грузии, вдохновляемые величайшими волевыми историческими победами нашей родины, еще теснее сплотят свои ряды вокруг великого вождя народов вождя мира тов. Сталина и создадут произведения, достойные нашей эпохи.

Советские писатели Грузии, вдохновляемые величайшими волевыми историческими победами нашей родины, еще теснее сплотят свои ряды вокруг великого вождя народов вождя мира тов. Сталина и создадут произведения, достойные нашей эпохи.

Советские писатели Грузии, вдохновляемые величайшими волевыми историческими победами нашей родины, еще теснее сплотят свои ряды вокруг великого вождя народов вождя мира тов. Сталина и создадут произведения, достойные нашей эпохи.

Советские писатели Грузии, вдохновляемые величайшими волевыми историческими победами нашей родины, еще теснее сплотят свои ряды вокруг великого вождя народов вождя мира тов. Сталина и создадут произведения, достойные нашей эпохи.

Советские писатели Грузии, вдохновляемые величайшими волевыми историческими победами нашей родины, еще теснее сплотят свои ряды вокруг великого вождя народов вождя мира тов. Сталина и создадут произведения, достойные нашей эпохи.

Советские писатели Грузии, вдохновляемые величайшими волевыми историческими победами нашей родины, еще теснее сплотят свои ряды вокруг великого вождя народов вождя мира тов. Сталина и создадут произведения, достойные нашей эпохи.

Советские писатели Грузии, вдохновляемые величайшими волевыми историческими победами нашей родины, еще теснее сплотят свои ряды вокруг великого вождя народов вождя мира тов. Сталина и создадут произведения, достойные нашей эпохи.

Советские писатели Грузии, вдохновляемые величайшими волевыми историческими победами нашей родины, еще теснее сплотят свои ряды вокруг великого вождя народов вождя мира тов. Сталина и создадут произведения, достойные нашей эпохи.

Советские писатели Грузии, вдохновляемые величайшими волевыми историческими победами нашей родины, еще теснее сплотят свои ряды вокруг великого вождя народов вождя мира тов. Сталина и создадут произведения, достойные нашей эпохи.

Советские писатели Грузии, вдохновляемые величайшими волевыми историческими победами нашей родины, еще теснее сплотят свои ряды вокруг великого вождя народов вождя мира тов. Сталина и создадут произведения, достойные нашей эпохи.

Советские писатели Грузии, вдохновляемые величайшими волевыми историческими победами нашей родины, еще теснее сплотят свои ряды вокруг великого вождя народов вождя мира тов. Сталина и создадут произведения, достойные нашей эпохи.

Советские писатели Грузии, вдохновляемые величайшими волевыми историческими победами нашей родины, еще теснее сплотят свои ряды вокруг великого вождя народов вождя мира тов. Сталина и создадут произведения, достойные нашей эпохи.

Советские писатели Грузии, вдохновляемые величайшими волевыми историческими победами нашей родины, еще теснее сплотят свои ряды вокруг великого вождя народов вождя мира тов. Сталина и создадут произведения, достойные нашей эпохи.

Советские писатели Грузии, вдохновляемые величайшими волевыми историческими победами нашей родины, еще теснее сплотят свои ряды вокруг великого вождя народов вождя мира тов. Сталина и создадут произведения, достойные нашей эпохи.

Советские писатели Грузии, вдохновляемые величайшими волевыми историческими победами нашей родины, еще теснее сплотят свои ряды вокруг великого вождя народов вождя мира тов. Сталина и создадут произведения, достойные нашей эпохи.

ПОЭТЫ СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

Алио Машавили

Ленин в нашем деле

Я, раненый в бою, твой образ изучаю,
Преподобием переживаю вновь.
Твой улыбка мне напоминает
Привык к борьбе, плащущей, как кровь.
Твоя дала кем-то исчислить,
Глаза — моря, что солнце нам загляни.
И голова, сверкающая мыслью,
Как будто гласит пламенной земли.
Ты клонил голову гордым сердатым,
Звучаешь труб дует ответ завод.
Вот грудь твою — для нас она защита,
А для врагов — смертельный ашадот.
Ключ пролетариев пронзает ясны воздухи,
Звуча победой рабочих шашадей.
Под флагами сверкает, точно звезды,
Открытые глаза родных октябрьских дней.
Кто знает, сколько жизни возникает
В глазах бойцов, глубоких, как моря,
Где волн кровавых отблески сверкают
И гневные огни кистром горят?
Ты — это ширь страны, разбившей стены,
К тебе звучит невольный шум и воян
Гигантских рек, разлившихся по венам,
Родная Волга и великий Дон.
Мы, коммуны разных стран и быта,
Вокруг тебя собрались, как один;
Как солнце яркое, на наших горах открытых
Ты полил нас, великий вселенный.
Великий вождь трудящихся земли,
Обильны, как хлеб российских зерен,
Слова приваля — дозвони твои.
Твой голос слышим. Он бойцов готовит:
Ни отступленья, ни тосканных дум,
А сердце — как корабль, что в волнах крови
Несется через океанский шум.
Ведь — борьбы немокнушие крики,
Кровь голосит по сулам и морям,
И дым пороховой, тяжелой и безжалостной,
Струится высь по вальдебленным рукам.
Ряды твои непобедимы, Ленин,
Мы снова стремимся, мы знаем — близок бой.
И — как один — все наше поколение
Избрало путь, продолженный тобой.
Я, раненый в бою, твой образ изучаю,
Преподобием переживаю вновь.
Твоя улыбка мне напоминает
Привык к борьбе, плащущей, как кровь.
Твоя дала кем-то исчислить,
Глаза — моря, что солнце нам загляни,
И голова, сверкающая мыслью,
Как будто гласит пламенной земли.
Ты клонил голову гордым сердатым,
Звучаешь труб дует ответ завод.
Вот грудь твою — для нас она защита,
А для врагов — смертельный ашадот.
Ключ пролетариев пронзает ясны воздухи,
Звуча победой рабочих шашадей.
Под флагами сверкает, точно звезды,
Открытые глаза родных октябрьских дней.
Кто знает, сколько жизни возникает
В глазах бойцов, глубоких, как моря,
Где волн кровавых отблески сверкают
И гневные огни кистром горят?
Ты — это ширь страны, разбившей стены,
К тебе звучит невольный шум и воян
Гигантских рек, разлившихся по венам,
Родная Волга и великий Дон.
Мы, коммуны разных стран и быта,
Вокруг тебя собрались, как один;
Как солнце яркое, на наших горах открытых
Ты полил нас, великий вселенный.
Великий вождь трудящихся земли,
Обильны, как хлеб российских зерен,
Слова приваля — дозвони твои.
Твой голос слышим. Он бойцов готовит:
Ни отступленья, ни тосканных дум,
А сердце — как корабль, что в волнах крови
Несется через океанский шум.
Ведь — борьбы немокнушие крики,
Кровь голосит по сулам и морям,
И дым пороховой, тяжелой и безжалостной,
Струится высь по вальдебленным рукам.
Ряды твои непобедимы, Ленин,
Мы снова стремимся, мы знаем — близок бой.
И — как один — все наше поколение
Избрало путь, продолженный тобой.

Перев. Р. И.-В.

«Сбор лимон в Аджаристане». Худ. Тамара Абакилия.

Сандро Эули

АГАРИНСКИЙ ЗАВОД

На доисторическом, степном просторе
Стит Агаринский завод,
Выдающийся мощным кораблем.
Как будто бы не сталь, а сумрачное
море
Свой мечет тяжкогласный гром.
Здесь навсегда зарыты в землю
Незгоды пережитых лет.
Я гугу заводскому аэрию
Воспоминаниям в ответ.
Здесь труд кипит, поет и блещет
Во мгле ночей, в сиянии дней,
Завод, несется вперед, трепещет,
Как сердце юное полей,
Труд — дело доблести и чести
Для всех ударинок страны,
На этом фронте бьются вместе,
Своим вождям увлечены,
В каналах, замкнутых и хмурых
Бежит с мучанном вода,
И сверкает в подках красно-бурых
Плывет, водою не сыта,
Среди машин, кипящих злобой,
Звериний раздается вой,
И прсят корма их утробы,
Ненасытные едои.
Я видел девочку; без страха
Стояла в гуле круговом,
Она дала мне теплый сахар,
Пред ней рассыпанный песком.
Я ей сказал: — что приколола
Была ли маленькая своей груди,
Была ли жизнь твою веселой,
Что кинула ты позвони!
Мне девочка в ответ: — «была я
Бездомна. Тут я обрела очей,
Мне, как ударинок и комсомолке
мая
Вот этот вышний дали знак,
Я верю твердо, верю страстно,
Что все труда учебы нет;
Эпохи — солнечные-прекрасной —
Зажегся в сердце чудный свет!»
Перевел с грузинского
ВАЛЕРИАН ГАПРИНДАШВИЛИ.

Карло Каладзе

БОЕВАЯ КОННАЯ

С телом гор мы теплом спити,
Мы такие же граниты.
Мы твердины. Заблестели мы,
Словно бурки под метелами.
Если б дряхлости не убили мы,
Тени нас укрыли б крыльями.
Вся страна, вздымаясь в гору,
В нас почула опору.
Наши взоры зачарованы:
Дали гор в них замурованы.
Пред врагами неусталимы,
Наши груди встанут скалами.
Хоть мы с разных гор все воюем,
Хоть мы в разных семьях
вскорилены, —
Мы — одной идеи вестники,
Юной плотью мы ровесники.
Ведь уцелеть между горами
Не гудят теперь раздорам.

И. Гришашвили

АПРЕЛЬ В ТИФЛИСЕ

Что мне до этого архива,
Он душу мне сверлит, как крог!
Зачем тружусь я так ретиво
Средь стольких горестей, забот!
Хочу веселья средь народа,
Забиться пучазарным сном...
Какая дивная погода,
И сколько девушек кругом!
На что мне «грамот» изысканья?
Как гидры, все они страшат,
И древних бумагомараний
Притягивает звучный лад.
Я вижу чудо небосвода
И изумруд полей и гор...
Какая дивная погода,
И сколько девушек кругом!..
Красотики, дивные, как солнце,
Когда-то был и я вам люб,
Пусть поцелуйные червонцы
Звенят в копилке моих губ...
Старем мы, и тягость года
Ложится ядовитым сном...
Какая дивная погода,
И сколько девушек кругом!..
Перевод А. КАНЧЕЛИ.

Ираклий Абашидзе

ГЕРОЙ

Герой лишь тот, кому невведом
В бою суровых страх и гнет,
Кто на полях ведет к победам,
Герой лишь тот!
Герой лишь тот, кто возвышает
Примером ставший честный труд,
Кто мужеством прорыв встречает,
Кто в прорывах первым жаут.
Герой лишь тот, кто к цели ясной
Не земедляя, нас ведет,
Ного запомнит в песнях страстных,
В железных подвигах народ,
Герой лишь тот!
Перевод П. Г.—ЛИ.

Д. Деметрадзе

ПЕВЦЫ СТРАНЫ

«Моей стране», посвященное Счастью Советов, наглядно показывают, что в его лице мы имеем крупную силу советской поэзии.

Значительный идейный рост показав за последние время один из представителей современной грузинской поэзии, Симон Чиковани. В начальном периоде своей поэтической деятельности Чиковани находился под влиянием русского футуризма. Но в результате кропотливой работы над собой, изучения классиков он освобождается постепенно от традиций футуризма и становится в первые годы советской поэзии. За последнее время он дал ряд значительных вещей: «Ушкульский комсомол», «Ветер в Хакматах» и «Героям Колхиды».

В. Гапанидашвили

Букинист

Выходит он с добром своим сомнительным,
К решетке сада стоят книг немало.
Как будто вверен темной и медлительной
Печали он — торговец западным.
На жаленье его странички падают
Лишь шелест осязи и отшумевших листьев.
Зима сметет тот шелест, словно падая,
Как дождиком, пред ней невод высится.
А покупатель скуп и редок — с книжником
Ампу-соперник рязом, ниян, косится,
Прогонит титно дальние и ближние,
И ангол пыли в пласке солнца носится.
Старик-поэт над книгами задержится,
Стрясет молва грустные странички,
Качает четки жестом самодержат ои,

Но в прошлом лето, — готовы слезы литься.
Похитил книгу ветер величаво,
Старик бежит за «Викикс Ткаосани»,
Как женщину прекрасную, лукавую
Прижмет он к сердцу книгу о содроганном.
Он — преданный слуга развалки книжной,
Возьмет бедняк с собой в могилу,
Ночь подошла со взглядом неподвижным,
Идешь отуда — смерть, немая сила?
Ктода улетел он, книга, словно плаща,
Он провалит шедом постельным,
Чтоб увенчать его любовью и бедностью.

Перевод Н. ТИХОНОВА.

